

Введение

Эта работа посвящена проблеме, которая занимает особое, во многом – исключительное и даже уникальное положение в психологии, особенно отечественной. Причем, сама эта «особость» также многоаспектна; она имеет целый ряд более частных, но важных своих сторон. В частности, это особый статус проблемы деятельности – ее так сказать привилегированное положение в общей психологической проблематике. Она, в отличие от целого ряда иных психологических проблем и направлений, никогда не находилась ни в опале, ни «под запретом», а наоборот – всегда выступала флагманом отечественной психологии и даже ее «выставкой и витриной». Это – и очень большая широта спектра исследований по ней, а также их гетерогенность, причем – очень разных по своей направленности и ориентации – методологических, теоретических, эмпирико-экспериментальных, профессиографических. Это – и очевидное своеобразие, придаваемое явной специфичностью базового конструкта данной проблемы – самой категории деятельности (ее междисциплинарным статусом, «равнопринадлежностью» и к целому ряду конкретных научных дисциплин, и к уровню философского исследования). Это – и культивировавшаяся длительное время так сказать «демаркационная функция» категории деятельности, призванная провести четкую дифференциацию отечественной психологии от иных направлений. Именно категория деятельности рассматривалась и как своеобразный «гарант» размежевания материалистического подхода к исследованию психического от идеалистически ориентированных подходов. Немаловажной особенностью проблемы деятельности, сложившейся в силу целого ряда причин (как объективных, так и не вполне), является и устойчивое мнение, согласно которому она, в отличие от многих иных проблем, разработана «хорошо и полно». В профессиональном сознании исследователей складывается мнение и даже своего рода «ощущение», согласно которому, «что угодно, но только не психологию деятельности, можно упрекнуть в недостаточной степени развитости».

Все это, однако, находится в достаточно резком контрасте с реальной ситуацией, характеризующимся заметным спадом исследований в области психологии деятельности и даже определенными кризисными моментами в ее развитии. «Разработанность и развитость» психологической теории деятельности, оказываются в действительности «иллюзорными», а сама деятельность все еще продолжает таить множество вопросов и нерешенных проблем на пути раскрытия ее психологической природы. Кроме того, психологическая теория деятельности продолжает оставаться, скорее, некоторой

проблемной областью исследований, нежели тем, на что она претендует, то есть именно обобщающей *теорией*.

В результате всего этого психологическая теория деятельности нередко воспринимается как «фон», как нечто «уже данное» и не нуждающееся ни в дальнейшей разработке, ни в критическом переосмыслении, а только в том, чтобы «базироваться на ней» и использовать ее в исследовательской и практической работе. Более того, в ней бытует ряд не вполне обоснованных и труднообъяснимых стереотипов и даже «мифов», не способствующих ее дальнейшему развитию. Так, в частности, это своего рода «презумпция несуществования», имеющая множественные проявления. Например, полагается, что существуют лишь три уровня ее организации (уровни «автономной» деятельности, действий и операций), а иных – возможно, также существующих уровней нет просто, так сказать, «по определению». Кроме того, бытует и мнение, согласно которому указанные выше уровни – это именно *уровни*, то есть существует какой-либо эксплицированный и обоснованный *критерий* самой уровневой дифференциации. Другим проявлением этой «презумпции» является мнение, согласно которому существуют лишь два основных класса профессиональной деятельности – класс субъект-объектных и класс субъект-субъектных ее видов. Подобный перечень можно, конечно, продолжать и дальше, а само наличие такого рода «научных стереотипов» является очень характерной особенностью проблемы деятельности и заслуживает того, чтобы зафиксировать ее в качестве исходной и подлежащей специальному анализу.

Еще одной особенностью данной проблемы, с которой приходится считаться уже с момента фиксации основных задач исследования, является так сказать «видимая простота» феномена деятельности. Деятельность тем и отличается от многих иных – «более загадочных» и имплицитных психических феноменов (например, от сознания, мышления и пр.), что по определению является *эксплицированной, обьективированной*. Однако, за этой так называемой «простотой» таится не меньшая, а нередко – и бóльшая сложность. Дело в том, что деятельность исходно и атрибутивно практична – *действenna*, а значит и *синтетична*, то есть требует вовлечения в свое обеспечение, по существу, *всего* регулятивного потенциала психики. Феномен деятельности – это как раз тот случай, к которому как нельзя лучше применима известная мысль М.К. Мамардашвили, сформулированная им, правда, по отношению к иному, но столь же определяющему и «равномощному» по отношению к деятельности психологическому феномену (сознанию): он столь же понятен обыденному познанию, сколь не понятен познанию научному.

Разумеется, на всех этих, а также иных – существенных особенностях данной проблемы нет ни возможности, ни необходимости останавливаться во «Введении» специально и подробно. Они еще станут предметом нашего специального анализа в соответствующих разделах работы. Вместе с тем, среди них есть и такая, которая, наряду, естественно, со всеми иными, *непосредственно* обусловила общий замысел данной работы, а также определила ее структуру и логику, всю совокупность представленных в ней материалов. Ее экспликация и фиксация тех методолого-теоретических «последствий», к которым она приводит, предполагает, однако, необходимость определенной «ретроспективной» оценки данной проблемы. Лишь сквозь «призму» такой ретроспективы возможна, на наш взгляд, адекватная характеристика и «настоящего», и «будущего» данной проблемы.

Действительно, обращаясь к не столь далекому ее прошлому, можно констатировать следующую – очень показательную ситуацию. На протяжении достаточно длительного времени и в силу, прежде всего, указанных выше ее особенностей, данная проблема занимала не просто «лидирующие» позиции в отечественной психологии, но и во многом «олицетворяла» ее. Причем, это касается ее различных аспектов и уровней – методологического, теоретического, эмпирического, экспериментального и т.д. Можно сказать и так: данная проблема выступала в качестве своего рода «локомотива» развития отечественной психологии. Этому в значительной степени содействовала и еще одна фундаментальная особенность данной проблемы. Дело в том, что в ней и, соответственно, в той реальности, которая является предметом ее изучения (то есть в самой деятельности), фактически, воплощается *вся* психика и *вся* личность. Истинная «хитрость» и реальная сложность данной проблемы заключается в том, что она, фактически, во многом равнозначна изучению «психики *в целом* в процессе ее функционирования, причем – взятом в высшей форме его организации (деятельностной). *Предмет* психологии в целом находит, по существу, исчерпывающее воплощение в предмете самой психологии деятельности. Чем более глубокой и содержательной является психологическая теория *деятельности*, тем в большей степени она трансформируется в психологическую теорию *деятели*, о чем я уже писал в одной из своих работ [100]. Это очень ярко проявилось, например, в одной из фундаментальных монографий, посвященных данной проблеме – в книге В.Д. Шадрикова «Психология деятельности человека» [210].

То же самое, однако, совершенно справедливо и по отношению к методологическому, а также теоретическому аспекту данной проблемы. Являясь «передним краем» и своего рода «активным началом» развития психологии, именно

проблема деятельности выступала носителем основных и наиболее конструктивных методологических принципов и методических средств конкретно-психологических исследований. Все это – неоспоримая и совершенно очевидная реальность, которая еще хранится в памяти многих ныне действующих психологов; она является органической «составляющей» их профессионального прошлого. Такая ситуация имела очевидные позитивные последствия для развития не только психологии деятельности, но и всей отечественной психологии. Как справедливо отмечается в [210], «благодаря этим роботам оформился деятельностный подход как парадигма – исходная концептуальная схема, модель постановки *важнейших* психологических проблем и путей их решения» (выделено нами – А.К.). Вместе с тем, хорошо известно и то, что постепенно, но неумолимо эта ситуация начинала меняться. Конкретные направления такой трансформации также были разнообразными, но их общий «вектор» носил подчеркнуто негативный характер. Причем, это относится не только так сказать к «предметной сфере» данной проблемы, но и, быть может, в еще большей степени к ее *методологическим* основаниям. Очень характерно, что в наиболее острой степени это проявилось в той методологии, которая, собственно говоря, и была лидирующей и базовой в период «золотого века» психологии деятельности, то есть в методологии *системного подхода*. Психология деятельности, выступая «составляющей» в общей структуре психологической проблематики и явившись на определенном этапе, действительно, «локомотивом» развития психологического знания, затем, однако, начала во многом утрачивать эту роль. Она уже «не успевала» за развитием иных психологических направлений и проблем. Теория деятельности в ее традиционных вариантах всё острее обнаруживала определенную «нечувствительность» и «невосприимчивость» к новейшим достижениям в области психологии. Достаточно отметить в данной связи, например, чрезвычайно слабые «концептуальные контакты» теории деятельности с современной когнитивной психологией в целом и с одним из ее новейших направлений – метакогнитивизмом, в частности, а также ее «нечувствительность» к полученным в них результатам. Кроме того, она начала «не успевать» и за изменениями самого предмета исследования – «мира деятельностей», то есть за достаточно быстрыми изменениями форм и видов профессиональной деятельности. Однако в наибольшей степени все это затронуло, повторяем, область методологических оснований данной проблемы в целом и ту базовую методологию, на основе которой она разрабатывалась – методологию системного подхода.

Все это в своей совокупности породило тот известный и широко распространенный, к сожалению, скепсис в отношении самой этой методологии. Однако

это же не могло «пройти бесследно» и для психологии деятельности, поскольку она, как раз и развивалась на ее основе. В результате всего этого, равно, прочем, как и в силу иных причин, сложилась та – известная ситуация, которая характерна для психологии деятельности в настоящее время. С одной стороны, она характеризуется явным спадом интенсивности проводимых исследований – и методологических, и теоретических, и эмпирико-экспериментальных, и иных. Их масштаб несопоставим с тем, который характеризовал предыдущие этапы ее развития. С другой стороны, обнаружившаяся недостаточность казавшейся «наиболее совершенной» в плане ее обобщающего, собственно концептуального потенциала методологии (системного подхода) привела к тому, что в настоящее время существует ряд частных, специальных *концепций* деятельности, но отсутствует обобщающая, единая *Теория* деятельности.

В связи со всем этим, однако, возникает извечный и традиционный вопрос – что же делать? Как отнестись ко всему произошедшему с психологией деятельности? Какова должна быть стратегия ее дальнейшего развития? В чем заключаются исторические перспективы развития данной проблемы? Естественно, что возможны два противоположных варианта ответа на него. Первый из них (к сожалению, достаточно нередкий) заключается в подчеркнуто скептическом отношении и к психологии деятельности в целом и к системной методологии как средству ее разработки, в особенности. Это вариант, близкий к «голому отрицанию», который – именно по причине его «легкости» и простоты достаточно распространен. Вместе с тем, совершенно ясно, что такой – «негативный» способ не является конструктивным в плане развития научных представлений. Существенно более продуктивным, хотя и намного более трудным, является другой вариант. Он состоит не в постулировании того, что психология деятельности и особенно – системный подход «исчерпали себя», а в том, что исчерпали себя *наши упрощенные представления о них*. Как справедливо отмечает В.А. Лекторский, «При определенном переосмыслении деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее как настоящее и, может ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире» [125]. Следовательно, для того, чтобы двигаться дальше, необходима, прежде всего, корректировка именно этих – сложившихся традиционно и ставших традиционными представлений. В особой мере и с особой очевидностью это, повторяем, относится к методологии системности – к тому ее «кризисному состоянию», которое характерно для современного этапа развития и психологии в целом, и психологии деятельности, в особенности. В последнее время вообще стало «модным» подчеркнуто

критическое отношение к данной методологии – причем, столь же модным, сколь модным было позитивное отношение к ней в другие периоды развития.

Таким образом, возникает важнейшая в методологическом и теоретическом отношении проблема, «подготовленная» всей логикой развития психологии деятельности и ее разработки на основе системной методологии, «вызревшая» внутри нее. Ее суть можно сформулировать следующим образом. Возможно, не вполне конструктивной и отвечающей реальности является не сама методология системности, а те ее – традиционные и, не исключено, упрощенные варианты, которые являлись основой для разработки проблемы деятельности на протяжении длительного времени и которые обусловили спад интенсивности исследований по ней. Другими словами, возможно, «исчерпал себя» не *сам* системный подход, а наши *представления* о нем – представления упрощенные и «исторически ограниченные». Разумеется, решение данной проблемы предполагает, прежде всего, развитие самой методологии системности; разработку новых вариантов реализации системного подхода, в большей степени отвечающих истинной сложности организации психического. Собственно говоря, это является и одной из «идеологических предпосылок» данной книги, и одной из ее главных задач, и наиболее общим ориентиром для нее. Другими словами, возникает настоятельная необходимость обращения к задаче, подготовленной всей логикой развития психологии деятельности в целом и реализации по отношению к ней системной методологии системности, в особенности – к задаче формулировки *новых вариантов* этой методологии. Собственно говоря, именно это во многом и обусловило общий замысел данной работы. Разумеется, при этом возникает и задача анализа тех «последствий», к которым приводит разработки такой – новой методологии, то есть осмысления тех *результатов*, к которым она приводит. Они и составили основное содержание данной работы.

Однако, решение именно этой, подчеркиваем, *стратегической* по своей ориентации задачи (разумеется, в первом приближении) оказывается возможным лишь при условии достаточно радикального переосмысления ряда базовых положений самой методологии системности. Оно возможно при обращении к одному из ее «неклассических» вариантов – к *метасистемному подходу*. Данный подход позволяет в значительной степени преодолеть те трудности и даже кризисные, «тупиковые» моменты в развитии системного подхода и в целом и по отношению к психологии деятельности, которые обуславливают современное состояние и того и другой. Будучи подготовленным всей логикой и историей развития психологии деятельности и системного подхода к ее разработке, в особенности, метасистемный подход может выступить естественным

средством решения тех проблем, к которым привело их развитие, но которые оказываются неразрешимыми с позиций «старой» методологии. Собственно говоря, в наиболее обобщенном, стратегическом виде замысел данной работы как раз и состоит в том, чтобы осуществить разработку проблемы деятельности с позиций метасистемного подхода. Естественно, что эта – предельно общая и стратегическая задача предполагает конкретизацию и дифференцировку на достаточно большое число «подзадач». Это, в частности, – и разработка методологических оснований самого метасистемного подхода; и его реализация по отношению к различным аспектам проблемы деятельности; и реинтерпретация с его позиций целого ряда «канонических» представлений, сложившихся в психологии деятельности, и мн.др.

Разумеется, во «Введении» неуместно давать развернутую характеристику сформулированного в данной книге метасистемного подхода. Однако его *суть* все же должна быть эксплицирована, поскольку именно она и выступает одним из наиболее общих «установочных моментов» ко всей этой работе, ради которых, собственно говоря, и пишется любое введение. Кроме того, необходимо обязательно учитывать, что данный подход уже был неоднократно реализован нами по отношению к очень разным, но одновременно – важнейшим предметам психологического исследования (системе психических процессов, способностям личности сознанию и др.). Во всех случаях он дал позитивные результаты, что позволяет предполагать его конструктивность и в плане разработки проблемы деятельности. Среди этих – уже осуществленных его экспликаций особо отметим его конструктивность в плане такого – *равномощного* психологии деятельности направления, каковым является психология *сознания*. Все выполненные с позиций данного подхода исследования дают достаточно веские основания для того, чтобы считать его не только более обоснованным и «мощным» в исследовательском плане, но и, что еще более важно, максимально специфичным именно *психологическим* системам; поясним сказанное.

По-видимому, для адекватного и корректного раскрытия как частных (хотя, разумеется, и очень важных) предметов психологического исследования – в частности, деятельности, равно как и психики в целом уже недостаточна их интерпретация с позиций традиционно сложившихся в системном подходе представлений. Дело в том, что, согласно им, любая система, хотя и существует в рамках какой-либо более общей целостности – метасистемы, но находится с ней лишь в отношениях *внешних* взаимодействий, взаимовлияний, взаимодетерминации и пр. По отношению к психологическим системам дело, однако, обстоит существенно иначе. Метасистема может быть функционально

представлена в *содержании* самой системы, а тем самым – быть репрезентирована в ней в своих существенных чертах и составлять поэтому очень специфическую часть самой этой системы. Наиболее очевидной и одновременно показательной иллюстрацией данного положения являются базовые принципы организации психики в целом. Действительно, внешняя – *объективная реальность* (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде *субъективной реальности* – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен. Следовательно, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее последняя будет соответствовать объективной реальности, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. На основании этого можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается функционально представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной.

Таким образом, можно видеть, что сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно «внешнеположенной» и в которую оно объективно включено. Тот уровень, на котором осуществляется взаимодействие метасистемы с системой, фактически, транспонируется при этом в содержание последней. В результате она обретает качественно новый статус – становится системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Подчеркнем при этом еще раз, что речь идет именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности, а не о ее онтологической представленности в психике.

Кроме того, как показали наши предыдущие исследования, не только психика в целом, но и иные ее базовые «составляющие» также организованы на основе указанного выше принципа. Они являются поэтому *качественно специфическими*, своеобразными системами и образуют в своей совокупности определенный класс. Он и был обозначен нами как класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Одной из очень

характерных, а в чем-то и уникальных их черт, является следующая особенность. С одной стороны, та или иная система, безусловно, функционирует по собственным, то есть аутохтонным закономерностям. В противном случае ни о каком образовании, процессе, структуре и пр. нельзя было бы говорить именно как о качественно специфической, самостоятельной – онтологически представленной сущности. Однако, с другой стороны, она же включает в себя (пусть и лишь функционально) и ту метасистему, в которой она сама представлена. При этом она не перестает быть (но уже онтологически) частью этой метасистемы. Тем самым складывается следующая – достаточно уникальная и в чем-то необычная, парадоксальная, но объективная ситуация. Система оказывается в состоянии взаимодействовать сама с собой, не нарушая при этом никаких собственных объективных закономерностей; возникает фундаментальный феномен *автовзаимодействия*. В связи с этим, можно предположить, что именно он является родовым по отношению к свойству самосензитивности психики как видовому. Именно это свойство, как известно, наиболее релевантно психологической природе и специфике такого важнейшего психологического образования, как сознание. По отношению к собственно «регулятивному измерению» психического этот же феномен лежит в основе еще одного базового, но уже специфически деятельностного атрибута – *саморегулятивности*.

Следовательно, феномен автовзаимодействия не только может, но и обязательно должен быть привлечен в качестве базового объяснительного средства и для разработки проблемы. Безусловно, что при этом возникает, быть может, наиболее принципиальный вопрос, связанный с раскрытием механизмов, лежащих в основе самого феномена автовзаимодействия. Он, соответственно, должен составить одну из основных задач последующего изложения. Реализация основных положений метасистемного подхода по отношению к проблеме деятельности, собственно говоря, и определяет основные цели и задачи данной работы, составляет ее основное содержание.

Вместе с тем, в качестве еще одного «установочного» положения, которое необходимо подчеркнуть во «Введении», выступает так сказать следствие из реализации предыдущего заключения. Действительно, согласно известной «диалектике взаимосвязи предмета и метода», трансформации второго, приводя к новым результатам, требуют и определенной корректировки (а иногда – и существенного переосмысления) представлений о первом. Именно эта закономерность очень явно обнаружилась и в процессе реализации метасистемного подхода по отношению к проблеме деятельности. Метасистемный подход – в аспекте тех результатов, к которым он приводит при его реализации по отношению к исследованию деятельности, не только позволяет, но и

требует существенного переосмысления общих представлений о том, чем же, в действительности, она является; в чем состоит сам *предмет* психологии деятельности. Такое переосмысление – обоснование его необходимости, его экспликация и характеристика расширенных представлений о предмете психологии деятельности составляет второе основание всей данной работы. Одним из «неизбежных» следствий метасистемного подхода является обнаружение и доказательство того, что сам метасистемный статус тех или иных образований – это лишь *один* из многих экспликаций так называемых *постсистемных* образований (которые сами по себе достаточно хорошо известны). Другими словами, с этих позиций становится очевидным, что пора, наконец, отказаться от упрощенных представлений о «системной экспликации» деятельности, которая, к сожалению, продолжает доминировать до настоящего времени. Дело в том, что деятельность, строго говоря, не может быть охарактеризована как система и *не является* системой в *непосредственном* смысле этого понятия; она – не есть моносистема. Однако она не представляет собой и так называемое «полисистемное образование».

До сих пор с позиций системной методологии парадоксальным образом не учитывается то важнейшее обстоятельство, что в *общий* состав деятельности включены, как минимум, три предельно специфичных, достаточно автономных, и характеризующиеся своими аутохтонными закономерностями системы. Они, собственно говоря, и отражены в так называемой «классической деятельностной триаде» (*субъект* деятельности – *процесс* деятельности – *объект* деятельности). Причем, дело даже не в том, что эти три системы представлены в составе деятельности, а в том, что представлены они не на одном материальном носителе (так называемом «мононосителе»). Их организация строится не по типу *целостности*, а по типу *единства*. Как справедливо отмечается в [120], «Понятие целостности в этом случае становится в значительной мере условным и, видимо, должно быть заменено более широким и менее определенным понятием единства».

Другими словами, отсюда со всей очевидностью следует, что деятельность – во *всей* своей полноте и истинном богатстве своего содержания может быть эксплицирована лишь с позиций понятия *системного комплекса*. Более того, дело даже не в способе экспликации (как гносеологическом средстве), а в том, что она реально, то есть *онтологически*, и *является* им. Все это достаточно кардинально меняет и общий подход к разработке психологии деятельности, и общую трактовку деятельности, взятую в *полноте* ее состава. Безусловно, здесь приходится сталкиваться со сложнейшим в методологическом плане вопросом о сущности системных комплексов как таковых, о

соотношении «истинных систем» и системных комплексов, о специфике так называемых «постсистемных» образований в целом (одной из форм которых и выступает системный комплекс) и т.п. Вместе с тем, «вне и помимо» их решения дальнейшее развитие теории деятельности очень затруднительно. И именно развертывание той логики, которая диктуется этой особенностью, составляет второй стратегический «ориентир» для всей данной работы.

Вместе с тем, в связи именно с этой логикой развития психологии деятельности в целом и ее разработки на основе системной методологии, в особенности, с необходимостью возникает еще одно ключевое обстоятельство, которое также оказало определяющее влияние на общую структуру и содержание всей данной работы. Оно связано с теми *отношениями*, которые складываются и существуют между системным и метасистемным подходами – и в целом, и при их реализации по отношению к разработке проблемы деятельности. Далее этот вопрос будет подвергнут развернутому анализу; пока же отметим следующее. Их *общее* соотношение должно базироваться на основе принципа *преемственности*: в метасистемном подходе должны сохраняться, хотя, не исключено, и в трансформированном виде, базовые положения системного подхода. Лишь в этом случае возможно поступательное развитие методологии как таковое, а не только «голое отрицание новым старого». Очень показательным, однако, что именно эти – казалось бы, «общие и абстрактные» (и, безусловно, правильные) положения как нельзя более адекватны и конструктивны в плане общих целей и задач данной работы. Поясним сказанное.

Метасистемный подход, согласно им, должен быть преемственным по отношению к основным положениям системного подхода. Вместе с тем, хорошо известно, что одним из основных в структуре последнего является его дифференциация на два основных варианта – *онтологический* и *гносеологический*. Второй из них предполагает раскрытие предмета исследования в плане совокупности его базовых закономерностей, в основных планах его организации. К ним, как известно, относятся метасистемный (онтологический), структурный, функциональный, генетический и интегративный планы. Их совокупность фиксируется обычно в понятии «алгоритма системного исследования». Это означает, в частности, что в содержании метасистемного подхода представлено одно из наиболее общих по смыслу и в то же время – конкретных по содержанию положений принципа системности. Согласно ему, любой предмет исследования должен быть раскрыт многомерно – в плане установления и интерпретации *базовых категорий* его закономерностей – метасистемных (онтологических), структурных, функциональных,

генетических и интегративных. В результате оказывается возможным охватить *единым подходом* все эти категории, реально представленные в их органической и нерасторжимой взаимосвязи, а не как аспекты – «срезы» и «измерения» реальности, то есть не как гносеологические абстракции. Сам же предмет исследования раскрывается через *единство* этих категорий закономерностей, то есть целостно и обобщенно. Однако, именно такое его раскрытие в наибольшей мере релевантно аналогичному – также обобщенному, то есть собственно *концептуальному* уровню его познания. На основе этого оказывается возможным, далее, сформулировать и общие ориентиры для окончательного преодоления все еще сохраняющейся негативной черты разработки проблемы деятельности. Она состоит в «неизжитости» пока сугубо аналитических схем и способов ее разработки; в преобладания аспектного способа видения и экспликации данной проблемы, приводящем в итоге к фрагментарности, а нередко – и «мозаичности» данных, полученных в ее русле. При этом следует, конечно, подчеркнуть, что *подход* сам по себе не есть еще *результат* – например, та или иная концепция. Подход, в данном случае метасистемный, лишь открывает перспективу, создает возможности для разработки тех или иных обобщающих и целостных, то есть собственно концептуальных представлений. Следовательно, то, *как именно* может и должен быть реализован метасистемный *подход* по отношению к проблеме деятельности и как он может тем самым трансформироваться в обобщающую *концепцию* деятельности, по необходимости выступает еще одной основной тематической линией данного исследования.

Данное положение неразрывно связано с другим – также «установочным» обстоятельством, которое необходимо зафиксировать во «Введении», поскольку оно затрагивает организацию всей этой работы. Как мы уже отмечали выше, современное состояние психологии деятельности характеризуется тем, что существует множество частных *теорий* деятельности, но отсутствует целостная и обобщающая *Теория* деятельности. В связи с этим, объективно наиболее важным для дальнейшей конструктивной разработки данной проблемы выступает попытка разработки целостных и обобщающих, то есть именно *обобщающих концептуальных* представлений по ней. При этом, однако, возникает очень сложный, а одновременно и важный вопрос о том, что именно должно представлять собой такое «концептуальное обобщение»? Какой должна быть общая организация и структура самой обобщающей теории сознания? По каким основным направлениям она должна строиться? Понятно, что данные вопросы непосредственно связаны и с еще более общей, по существу, общегносеологической проблемой – с проблемой того, что представляет собой само теоретическое знание, какова

должна быть структура теорий как таковых? Соответственно, эти и связанные с ними вопросы также должны быть подвергнуты самостоятельному и углубленному анализу.

При их рассмотрении мы руководствовались тем объективным положением, согласно которому построение целостных, обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений должно обязательно предполагать раскрытие предмета исследования в его *основных*, объективно главных гносеологических планах [103, 186]. Ими, однако, как уже отмечалось, как раз и являются метасистемный (онтологический), структурный, функциональный, генетический и интегративный планы, то есть планы. Они, напомним, и являются основными аспектами исследования, базирующегося на методологии системного подхода, и составляют в своей совокупности «алгоритм системного исследования». Лишь в этом случае на «гносеологическом уровне», то есть в самих теоретических представлениях, «онтологический уровень» (содержание изучаемого предмета) получает свою репрезентацию не только во всех его объективно главных планах и в аспекте его базовых категорий закономерностей, но и *принципиально целостно*. Сам предмет исследования, характеризующийся целостностью и системностью организации, аналогичным образом, то есть также целостно воспроизводится – отображается на уровне теоретических представлений о нем. Однако, именно такое – целостное, концептуально-обобщенное знание и есть ключевой признак теории как таковой. Само знание о предмете уже не как конгломерат отдельных аспектов, а как система становится таковой лишь в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; теория – это знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте, позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения.

Сформулированные выше положения методологического характера не только могут, но и, на наш взгляд, обязательно должны быть реализованы при разработке представлений об *общей стратегии* дальнейшей разработки проблемы деятельности. Она должна обязательно учитывать общую логику развития данной проблемы и являться методологическим средством разработки обобщающе-концептуальных представлений в данной области. Причем, истинная сложность и специфичность решения данной задачи по

отношению к психологии деятельности заключается в том, что для нее еще недостаточно трансформации аналитического подхода к ее разработке в системный (что, напротив, вполне достаточно для многих иных – менее «масштабных» проблем). Необходимо также и дополнение самого системного подхода, взятого в его «канонических» вариантах новым – неклассическим вариантом, то есть принципом метасистемного подхода. Данная стратегия образована последовательностью реализации по отношению к проблеме сознания пяти основных гносеологических планов – *метасистемного, структурного, функционального, генетического, интегративного*. Собственно говоря, именно данная стратегия, которая – подчеркиваем, обусловлена содержанием метасистемного подхода, определила структуру и содержание всей данной работы (и принцип ее дифференцировки на отдельные тома).

Так, в первом томе представлены материалы, раскрывающие предпосылки и содержание самого *метасистемного подхода* как той методологической основы, на базе которой будет реализовано все последующее исследование различных аспектов общей проблемы деятельности. Безусловно, что этому необходимо было предпослать специальный анализ основных особенностей логики развития и основных особенностей современного состояния самой этой проблемы, что также представлено в первом томе. Второй том посвящен, соответственно, второй базовой категории закономерностей – *структурным*. В нем детализированному исследованию подвергнуты закономерности структурной организации деятельности, равно как и ее основных психологических «составляющих», которые, собственно говоря, и образуют в своей совокупности ее общую архитектуру. В третьем томе представлены результаты исследования общей проблемы деятельности в следующем базовом гносеологическом плане – *функциональном*. Причем, сами функциональные закономерности также рассмотрены, по возможности, многоаспектно, что отвечает одной из основных особенностей самой категории функциональных закономерностей – их принципиальной множественности и столь же отчетливой гетерогении. Четвертый том данной работы посвящен еще одной базовой категории закономерностей (и, соответственно – реализации еще одного этапа исследования, предписываемого разработанной нами и положенной в основу всей данной работы комплексной стратегии исследования) – *генетическим*. Наконец, в пятом – завершающем томе специально и достаточно развернутому исследованию подвергнут тот план (аспект) общей стратегии изучения, который является аналогичным по своему гносеологическому статусу, то есть выступает как заключительный – «завершающий и венчающий» всё исследование; это – *интегративный* план исследования.

При этом необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Каждый из томов данной работы, будучи посвящен тому или иному основному, базовому гносеологическому плану, является так сказать вполне «самодостаточным». Каждый из них направлен на раскрытие не какого-либо частного, а именно базового и определяющего гносеологического плана проблемы деятельности. Поэтому тома вполне автономны в том смысле и в той мере, в каком сами основные гносеологические планы изучения любого предмета (в данном случае – деятельности) вообще дифференцируются в научном познании как базовые и качественно глубоко специфические.

Однако нельзя не учитывать и то, что все эти планы, несмотря на их основополагающий характер, являются все же именно гносеологическими по своей природе. Они выступают, хотя и как предельно обобщенные, но все же именно как «срезы», «аспекты», «призмы видения» единого в *онтологическом* отношении предмета исследования. В связи с этим, все тома данной работы следует рассматривать как *единое целое*. Причем, подчеркнем, что они едины не только в плане того, что объединены общей методологией, то есть единым подходом – метасистемным (о чем уже сказано выше и что само по себе также очень важно). Их единство заключается еще и в том, что они – именно в своей совокупности есть не что иное, как отображение на концептуальном уровне онтологического единства самого предмета исследования (деятельности).

Вместе с тем, именно такое единство – так сказать «гармонизированность» и взаимосвязанность томов друг с другом сопряжена не только с объективно позитивными моментами, но и таит в себе неизбежные моменты негативного плана. Их суть связана с тем, что именно «онтологическое единство» основных планов и их «взаимопроникновение» друг в друга обуславливают необходимость при анализе того или иного из них обращения ко всем иным. Так, например, объективно невозможно раскрыть закономерности функциональной организации деятельности (то есть реализовать функциональный план исследования) без опоры на раскрытие (и, соответственно – изложение) закономерностей структурной организации. Аналогично этому, генетическая динамика деятельности также «нераскрываема» вне развернутого изложения особенностей ее структурной и функциональной организации. Тем самым возникают практически неустранимые, неизбежные повторы и, соответственно, необходимость дублирования материалов – их повторяющегося рассмотрения (хотя, конечно, и в разных ракурсах по отношению к разным томам данной работы). Эта особенность носит объективный характер; она поэтому полностью практически «неустранима», что мы вполне осознаем. Она, в частности, обусловила и достаточно

большой объем материалов данной работы; и необходимость в повторном обращении к уже в значительной мере рассмотренным вопросам. Вместе с тем, мы полагаем, что это – все же «меньшее зло», нежели фрагментарность и неполнота раскрытия каждого из гносеологических планов.

Достаточно большой объем материалов, представленных в данной работе, обусловлен, конечно, не только указанной выше причиной. Более мощные и глубинные причины этого, естественно, заложены в природе самой деятельности. По существу (и это в принципе хорошо известно) в деятельности «как в зеркале», как «в капле воды» воплощается и преломляется *вся* психика, *вся* личность. Деятельность – это высшая, а потому наиболее богатая содержанием форма взаимодействия «человека и мира», мультиплицирующая в себе, по существу, всю психику. В этом, кстати говоря, коренятся те причины, которые лежали в основе известных попыток построения психологии как монокатегориальной науки, то есть науки, базирующейся на одной категории – деятельности. В связи со сказанным, можно, по-видимому, дифференцировать два основных значения у самого понятия «психология деятельности» – «узкое» и «широкое». В «узком» значении психология деятельности – это система представлений о структурно-функциональной организации и генетической динамике самого процесса деятельности, о ее собственных – так сказать аутохтонных закономерностях. Деятельность здесь выступает в качестве предмета психологического исследования в своем так сказать «инструментальном статусе» и «технологическом, операционном модусе». Вместе с тем, в своем «широком» значении психология деятельности – это, по существу, всё то, как представлена *психика в целом* в ее высшей по уровню организации форме взаимодействия с миром.

Необходимость в такой дифференциации, равно как и неизбежность по ходу углубления анализа перехода от первого значения ко второму, также отразилась на композиционных и содержательных особенностях данной работы. Она потребовала постоянного, систематического обращения к достаточно общим (общепсихологическим) вопросам, не связанным *непосредственно* с анализом проблематики деятельности в ее традиционном, то есть «узком» значении. Однако – что мы считаем необходимым подчеркнуть специально – это отнюдь не «уход» от проблемы деятельности, а «переход *вглубь*» нее. Он не только совершенно оправдан, но и *объективно* необходим с точки зрения развертывания общей и объективной логики развития психологии деятельности и, соответственно, – общих задач данной работы. Вместе с тем, повторяем, он не может не сказываться на объеме того материала, который должен быть вовлечен в сферу анализа.

Наряду с этим, в качестве еще одного – также «установочного» положения необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство. На наш взгляд, одной из причин, сдерживающих разработку психологии деятельности, является так сказать «общее отношение» к самой категории деятельности. Точнее говоря, это трактовка понятия деятельности именно в качестве *категории* (то есть конструкта, обладающего *максимальной* степенью обобщенности). Согласно такому видению, «выше» и «дальше» деятельности нет никаких более обобщенных конструктов и, соответственно, их не надо и искать. Известно, однако, что одним из важнейших гносеологических условий и даже – средств решения той или иной научной проблемы, разработки того или иного понятия является их *включение* в какой-либо – более *общий* концептуальный контекст. Очень многое в научном познании обычно «нераскрывемо само по себе», но становится понятным при его включении в более общие целостности. В принципе – это, повторяем, хорошо известная закономерность, составляющая и одну из «аксиом» системного подхода, и отраженная в известном тезисе С.Л. Рубинштейна о так называемом «основном нерве мышления» – операции «анализа через синтез». Ее сущность состоит в том, что «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [176].

Вместе с тем, если просто *не нарушать* эту *общую* гносеологическую закономерность, а следовать ей, то не только можно, но и необходимо рассмотреть саму деятельность не как «верхнюю инстанцию», не как родовое понятие, а как «составляющую» чего-либо более *общего*. Необходимо трансформировать категорию деятельности из *родового* образования (и, соответственно, понятия) в *видовое* – в образование и понятие, являющиеся *частными* случаями чего-либо более общего.

Понятно, что такая – достаточно кардинальная смена точки зрения на деятельность весьма непривычна; она не вполне согласуется с традиционной парадигматикой теории деятельности. Однако она – и это вполне очевидно в свете рассмотренной общей гносеологической закономерности – необходима как условие дальнейшего развития психологии деятельности. Вместе с тем, конечно, в таком случае возникает очень сложный вопрос о том, *что* же именно является этим «более общим случаем»? Что выступает родовым образованием (и понятием) по отношению к деятельности (и как образованию, и как к понятию) как к видовому? *Разновидностью* чего является

деятельность? Отчетливо сознавая очень высокую степень сложности данного вопроса, его (точнее необходимость его решения) также следует зафиксировать в качестве еще одного – третьего основного «установочного» обстоятельства, определяющего общее содержание данной работы. На наш взгляд, вопреки сложности исходной *постановки* данного вопроса, возможный *ответ* на него (конечно, лишь в первом приближении) достаточно несложен. Действительно, представляется удивительным, что в психологии деятельности до настоящего времени парадоксальным образом не зафиксировано и не реализовано в должной мере следующее – фундаментальное, по нашему мнению, обстоятельство. Деятельность как таковая – в ее строгом и непосредственном, то есть именно *конкретно-научном* – собственно психологическом смысле есть не что иное, как *частный* случай, одна из разновидностей и форм *регуляции* взаимодействия двух (или более) систем. По отношению к деятельности, это, разумеется, регуляция взаимодействия, прежде всего, двух совершенно определенных систем – субъекта и объекта, что, кстати говоря, и зафиксировано в «классической деятельности триаде» (*субъект* деятельности – *процесс* деятельности – *объект* деятельности). Однако, если это так, то на данный случай – именно как *частный* должны быть перенесены (хотя, не исключено, и в специфицированной форме) *общие* закономерности, представления о которых разработаны в теории регуляции и теории координации. *Общерегулятивные закономерности* должны выступать поэтому в качестве интерпретационного средства для объяснения закономерностей организации деятельности.

В свете этого можно сформулировать следующее положение, которое также должно быть учтено в качестве средства разработки теории деятельности. До сих пор одним из основных аспектов психологии деятельности является изучение закономерностей ее *психической регуляции*. Однако теперь необходимо дополнить данный аспект и необходимостью изучить саму *деятельность как регуляцию*, точнее – как один из ее частных случаев. Пора, наконец, со всей определенностью осознать, что конкретно-научный, то есть собственно психологический аспект закономерностей деятельности – это *частная* экспликация (на уровне психического) *общих* регулятивных закономерностей. В силу этого, последние не только могут, но и обязательно должны быть привлечены к разработке психологической теории деятельности. Понятно, что при такой постановке проблемы возникает объективная необходимость достаточно широко привлечения по отношению к развитию психологии деятельности *общих* и, по существу, междисциплинарных по своему характеру представлений об основных закономерностях процессов регуляции и координации систем. Для того чтобы более наглядно и зримо

продемонстрировать важность этого, необходимо, на наш взгляд, просто вспомнить о той революционной роли, которую сыграло в свое время распространение принципов обратной связи как одного из базовых общерегулятивных принципов на психологическую проблематику (впрочем, не только психологическую, но и – даже еще раньше – на физиологическую). Вместе с тем, данный принцип – это, хотя и основополагающий, но все же именно *один* из целой совокупности общерегулятивных принципов. Наряду с ним, как показано в теории регуляции и теории координации, существуют также иные принципы и иные процессы, имеющие статус именно *общерегулятивных*. Они «индифферентны» к различиям в содержании и даже типах тех систем, которые подвергаются регуляции и организации посредством них; носят так сказать «надсистемный» характер, являются столь же инвариантными, сколь и объективными. Этому обстоятельству также будет уделено специальное внимание в данной работе, а само – сформулированное выше положение о деятельности как частном случае общерегулятивных процессов явится, по существу, «сквозным» для нее в целом.

В плане сказанного очень показательной является следующая аналогия – «параллель» (которая, в действительности, является, конечно, бóльшим, чем просто аналогия). Как известно, одной из наиболее конструктивных попыток построения *общей теории* психических процессов (особенно – когнитивных) явился подход к решению этой проблемы, осуществленный Л.М. Веккером [31]. Его суть состояла именно в том, что не только отдельные виды процессов, но и сама категория психических процессов была проинтерпретирована как частный случай общих информационных взаимодействий сигнального типа. Вместе с тем, по-видимому, аналогичный концептуальный «ход» должен быть реализован уже не только к процессуально-психологическому (и, повторяем, прежде всего, когнитивному, информационному) взаимодействию, но и к взаимодействию в еще более прямом и непосредственном смысле этого слова – деятельностному, специфически *регулятивному*. Деятельность в целом, а также ее отдельные классы и виды, по-видимому, допускают свое существенно более полное раскрытие и глубокую интерпретацию именно с позиций их трактовки как частных случаев общерегулятивных закономерностей. В связи с этим, именно такой подход также выступил как один из основных и, более того, стратегических ориентиров методологического плана для всей данной работы. Его специальная экспликация, а также последующая спецификация по отношению к разработке проблемы деятельности является, на наш взгляд, одной из наиболее стратегических задач разработки данной проблемы в целом.

При этом – во избежание недоразумений – необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Формулируя данные положения, мы отнюдь не призываем к «отмене» всех иных планов изучения деятельности. Подход к деятельности как к частному случаю общерегулятивных процессов не является альтернативным по отношению к иным подходам – например, подходу к ее изучению как общественно-исторической категории, а также к иным – достаточно многочисленным ее методологическим экспликациям. Речь при этом идет совершенно другом – о том, что «вне» рассмотрения деятельности с позиций общерегулятивных закономерностей, взятых, конечно, в их собственно психологической спецификации, дальнейшая разработка теории деятельности очень затруднительна, если вообще возможна. В связи с этим, в ходе всего изложения, представленного в данной работе, мы также будем руководствоваться этим – третьим основным «установочным» положением. Фиксируя его во «Введении», мы, конечно, вполне отдаем отчет в его пока декларативности и недостаточной обоснованности. Вместе с тем, мы все же считаем необходимым зафиксировать его именно в качестве «установочного», определяющего для всей данной работы. Одновременно это не только «не избавляет» от необходимости его конкретизации и обоснования, но, напротив, требует их. В связи с этим его обоснование и развитие также составит одну из стратегических «линий» данной работы.

Формулируя так сказать «установочные» положения, определяющие ориентиры для всей данной работы, нельзя не отметить и еще одну специфическую особенность проблемы деятельности. Она – в отличие от многих иных фундаментальных психологических проблем существенно более академична, «теоретична» и уже тем более «методологична». Эта проблема поэтому как бы менее «интересна», чем многие иные фундаментальные психологические проблемы (например, такие, как проблема личности, проблема сознания, проблема бессознательного и т.п.). Она заметно «проигрывает» им в данном отношении. В этом, конечно, заключена известная доля истины. Однако – лишь доля и лишь та, которая обнаруживается при достаточно поверхностном взгляде на данную проблему. Дело в том, что, во-первых, как мы уже отмечали, следует дифференцировать два значения самого понятия «психология деятельности» – «узкое» и «широкое». Во втором из них сама психология деятельности в своем *собственном* содержании содержит *все* указанные – более «интересные» проблемы, а потому сама «окрашивается в их тона». Во-вторых, возникает и еще более принципиальный вопрос: что именно, в действительности, следует считать «интересным»? Либо то, что «популярно» и «занимательно»; либо то, что отражает истинную и глубинную суть

вещей? Известно также, что параметры «интересности» и «научности» (точнее – то, какой смысл в них традиционно вкладывается) характеризуются реципрокностью и даже – антагонизмом, чему существует масса иллюстраций и подтверждений. Так, скажем, очень показательной в этом плане является сравнительная оценка по параметрам «интересности» и «научности» основных школ психологии (так называемых «мировых психологий»). Известно, что именно те из них, которые обычно рассматриваются как наименее «интересные», одновременно характеризуются наибольшей глубиной, «научностью» (гештальтпсихология, когнитивная психология). И напротив, та, которую обычно характеризуют как наиболее «интересную», на деле оказывается в значительной степени мифологичной, схематизированной и не вполне подкрепленной необходимыми верификационными процедурами (психоанализ).

Все это с полным правом относится и к психологии деятельности, и к тем результатам, которыми она располагает. Это же относится и к тем данным, которые составляют предмет рассмотрения в данной работе. Сам предмет исследования таков, что он, существенно проигрывая в «интересности», выигрывает в «научности». Вместе с тем, к сожалению (а, быть может, к счастью) это не может не отражаться не только на содержании представленных материалов, но и на связанном с ним стиле их изложения. И стиль, и содержание производны от характера предмета исследования; они требуют достаточно обстоятельного и объемного, а в чем-то – даже и громоздкого исследования. Оно, к тому же, неизбежно сопряжено со сложностью, иногда, быть может, излишней изложения материалов. Однако, как известно, «истина может и не быть проста» (Дж. Уилер [195]), что как нельзя более точно соответствует духу проблемы деятельности, а также попыткам ее комплексного изучения.

Считаем необходимым сказать и еще об одном. Во «Введении» к одной из своих предыдущих монографий («Психология сознания» [104]) я уже отмечал следующее обстоятельство. Определенную настороженность и даже – возражение, а возможно, и неприятие может вызвать и ориентация в книге на методологию системности, на системный подход как таковой, который якобы исчерпал свои эвристические возможности, ушел в прошлое. Все дело, однако, заключается в том, что «ушел в прошлое» и «исчерпал свои возможности» не он сам, а упрощенные и уплощенные – симплифицированные представления о нем. Исчерпали себя его традиционные и, действительно, обладающие рядом принципиальных ограничений варианты. Однако, он, как и любой иной подход, обязательно должен развиваться и совершенствоваться, что, к сожалению, было практически забыто на протяжении последнего времени. Предложенный

в книге метасистемный подход – это и есть, на наш взгляд, один из конкретных способов такого развития. Именно это и определило характер тех результатов, которые были получены в указанной монографии по отношению к проблеме сознания. И именно это позволяет полагать, что оно же будет конструктивным и, более того, необходимым средством разработки и проблемы деятельности.

В заключение краткого абриса вводных положений – несколько замечаний субъективного плана. Прежде всего, я, конечно, отдаю полный отчет в том, что представленное в этой книге исследование – это лишь *шаг*, не исключено, достаточно небольшой на пути решения сложнейшей проблемы деятельности. Меньше всего я хотел бы рассматривать его как альтернативный по отношению к иным – многочисленным подходам к разработке этой сложнейшей проблемы. Как раз напротив, руководствуясь известным общенаучным принципом дополнительности, его следует понимать именно как дополнительный, как, возможно углубляющий и детализирующий их собственные результаты.

И, наконец, следует сказать еще об одном. Характеризуя общий замысел и формулируя основные задачи данной работы, хотелось бы верить, что она, в конечном счете, будет содействовать и решению так сказать «сверхзадачи», состоящей в следующем. Как уже отмечалось, в силу целого ряда причин, в последнее время наметилось достаточно заметное снижение интенсивности исследований в области психологии деятельности, особенно – методологических и теоретических. Речь, конечно, идет не об их свертывании, а о том, что их масштаб и объем явно непропорциональны истинной значимости и фундаментальному статусу данной проблемы; о том, что она утратила свое – подобающее ей по праву *лидирующее* положение в структуре психологического знания. Такая ситуация должна быть, безусловно, преодолена; должен наступить так сказать «ренессанс» психологии деятельности. Она, наряду с сохранением своего основного статуса – *предметной* области, должна быть максимально полно осознана и в качестве *метода* (в широком смысле) изучения психики в целом. В этом вновь проявляется известная диалектика взаимосвязи предмета и метода психологии. Психология деятельности как раз и является тем «концептуальным мостом», который лежит в основе связи предмета и метода психологии. В этом, на наш взгляд и заключается так сказать «терминальная» задача развития самой психологической теории деятельности. И если представленная работа в какой-то степени будет содействовать ее решению, то ее замысел может считаться реализованным.